

О.Д. Журавель*

O.D. Zhuravel*

Андрей Борисов – старообрядческий писатель эпохи Просвещения****Andrei Borisov – Old Believer writer of the Enlightenment**

DOI: 10.31518/2618-9100-2020-2-10

DOI: 10.31518/2618-9100-2020-2-10

УДК 821.161.1+930.85

Выходные данные для цитирования:

How to cite:

Журавель О.Д. Андрей Борисов – старообрядческий писатель эпохи Просвещения // Исторический курьер. 2020. № 2 (10). С. 131–144. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-2-10.pdf>

Zhuravel O.D. Andrei Borisov – Old Believer writer of the Enlightenment // Historical Courier, 2020, No. 2 (10), pp. 131–144. [Available online:] <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-2-10.pdf>

Abstract. The article is based on the writings of Andrei Borisov, an Old Believer, head of the Vyg community from 1780 to 1791. The article is devoted to the problem of the connection of Old Believer culture with the general Russian cultural context. The author develops a view of Andrei Borisov as a person who, according to R.O. Crammey, “lived in two cultural worlds”. The author draws attention to the fact that the works of this writer reflected commonplaces and key concepts of not only the Russian Enlightenment, but also sentimentalism. Sentimentalism in Russia was the result of the literary culture of the 18th century, the logical conclusion of the Enlightenment program. Anthropocentricity, which was characteristic of the aesthetic program of Russian sentimentalism, was reflected in the image of the author. The author in the works of Andrei Borisov is not a conditional rhetorical image. New ways of representing the personality of the leader of the Old Believer community, who appears as an ordinary person endowed with the ability to feel and empathize, even experience physical pain, are shown. Rationality is combined in the image of the author with emotionality and moralism, this is a real person, a being as emotional as moral and thinking about civic duty (“Regrettable Behavior”, The Life of Andrei Denisov and other works). The article shows that Andrei Borisov focused on the problem of morality. The key category in his work is “virtue”. Virtue was the most important concept in the program of Russian sentimentalism. From the standpoint of morality and virtue, Andrei Borisov even solved polemical problems (the problem of prayer for the emperor), he argued that secular morality and virtue are more important than correct faith, and that is why Old Believers can pray for the emperor. The article notes the closeness of the work of Andrei Borisov to the official church sermon of the late 18th century. Andrei Borisov’s contemporary, Metropolitan Plato (Levshin, Metropolitan since 1787), in his sermons interpreted the Enlightenment as a virtue, in his texts morality and feeling are put in the first place, as in sentimentalism. Thus, the style of the era extends not only to secular literature and art, but also to church preaching, and to Old Believer creativity of the late 18th century. The article offers new arguments in favor of the view that the Old Believer culture was part of Russian culture, and not a self-sufficient island of traditionalism, isolated from a changing society.

Keywords: Old Believers; Vyg; Andrei Borisov; Enlightenment; Sentimentalism.

The article has been received by the editor on 04.02.2020.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Журавель Ольга Дмитриевна**, доктор филологических наук, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия, e-mail: olga_zhuravel@mail.ru

Zhuravel Olga D., Doctor of Philology, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia, e-mail: olga_zhuravel@mail.ru

** Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 18-09-00094а «Интеллектуальный лидер и его окружение: формирование социокультурной идентичности».

Аннотация. Статья написана на материале сочинений Андрея Борисова, старообрядческого писателя, руководившего Выговским центром староверия в 1780–1791 гг., и посвящена проблеме связи старообрядческой культуры с общерусским культурным контекстом. Автор развивает взгляд на Андрея Борисова как на человека, который, по выражению Р.О. Крамми, «жил в двух культурных мирах». В статье обращено внимание на то, что в творчестве этого писателя нашли отражение общие места, ключевые концепты не только русского Просвещения, но и сентиментализма, который стал итогом российской литературной культуры XVIII в., логическим завершением просветительской программы. Антропоцентричность, свойственная эстетической программе русского сентиментализма, нашла отражение в образе автора. Автор в произведениях Андрея Борисова – не условный риторический образ. Показаны новые способы репрезентации личности лидера старообрядческого сообщества, который предстает обычным человеком, наделенным способностью чувствовать и сопереживать, даже испытывать физическую боль. Рациональность сочетается в образе автора с эмоциональностью и морализмом, это реальный человек, существо настолько же эмоциональное, насколько нравственное и думающее о гражданском долге («Прискорбное поведание», Житие Андрея Денисова и другие произведения). В статье показано, что основное внимание Андрей Борисов уделял проблеме морали. Ключевой категорией в его творчестве становится «добродетель». Именно добродетель была важнейшим понятием в программе русского сентиментализма. С позиций морали и добродетели Андрей Борисов решал даже дискуссионные проблемы (проблема моления за императора), он доказывал, что светская мораль, добродетель важнее правильной веры, и именно поэтому следует молиться за императора. В статье отмечается близость творчества Андрея Борисова официальной церковной проповеди того времени. В своих проповедях митрополит Платон трактовал Просвещение как добродетель, в его текстах на первом месте ставятся мораль и чувство, как в сентиментализме. Таким образом, стиль эпохи захватывает не только светскую литературу и искусство, но и церковную проповедь, и старообрядческое творчество конца XVIII в. Статья предлагает новые аргументы в пользу представлений о том, что старообрядческая культура была частью культуры общерусской, а не самодостаточным островом традиционализма.

Ключевые слова: старообрядцы; Выг; Андрей Борисов; Просвещение; сентиментализм.

Старообрядчество как крупнейшее в истории России религиозно-общественное движение являет собой крайний полюс русского традиционализма. Защитники старого обряда на протяжении всей истории движения декларировали стремление сохранить в неизменном виде обряды, обычаи, весь образ жизни такими, какими они были в дониконовской Руси, и в значительной мере им это удавалось. Однако распространенное мнение о том, что культурный мир старообрядцев сопротивлялся любым изменениям и оставался закрытым по отношению к внешнему миру, в свете современных научных исследований не выдерживает критики. Ярким примером того, как старообрядцы могли принимать вызовы времени, оставаясь верными духовным традициям движения, является деятельность и литературное творчество Андрея Борисова (1734–1791), представителя третьего поколения лидеров Выговского старообрядческого центра. Он был главой Выга с 1780 до конца своей жизни в 1791 г. По меткому выражению Р.О. Крамми, Андрей Борисов жил в двух культурных мирах (“lived in two cultural worlds”)¹.

Р.О. Крамми посвятил изучению личности и наследия Андрея Борисова специальную статью, где на основе известных ему источников провел анализ деятельности и творчества писателя, сделав вывод о значительной его открытости внешнему миру². Несмотря на то, что

¹ *Crummey Robert O. The Cultural Worlds of Andrei Borisov // Crummey Robert O. Old Believers in a Changing World. Illinois, 2011. P. 137.* Первая публикация данной статьи Р.О. Крамми относится к 1998 г.: *Crummey R.O. The Cultural Worlds of Andrei Borisov // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. 1998. Bd. 54. S. 135–157.*

² *Crummey Robert O. The Cultural Worlds of Andrei Borisov... P. 136–156.*

большая часть рукописного наследия Андрея Борисова не была введена в тот момент в научный оборот, наблюдения Р.О. Крамми сохраняют важное значение на сегодняшний день. Прежде всего важна методологическая призма, в соответствии с которой личность и творчество писателя рассматривались в единстве и в контексте времени.

Большой вклад в изучение наследия Андрея Борисова внесла Е.М. Юхименко. Благодаря ее исследованиям значительно расширен круг рукописных источников. Если в справочнике В.Г. Дружинина указано всего 9 атрибутируемых Борисову сочинений³, то в итоге научных разысканий Е.М. Юхименко мы можем с уверенностью говорить о принадлежности перу Андрея Борисова почти четырех десятков текстов⁴. На основе кодикологического анализа она доказала авторство Андрея Борисова по отношению к ряду сочинений, которые прежде считались анонимными, выявила новые сочинения и новые списки уже известных ранее. Ею же опубликовано несколько сочинений этого автора⁵. На страницах монографического исследования⁶ содержится анализ отдельных произведений. Наибольшее внимание уделено источниковедческому изучению «Жития Андрея Денисова»⁷. Исследовательнице удалось выявить источники, которыми пользовался Борисов при создании обширного труда, определить главы, написанные им самостоятельно, возможно, на основе устных источников, доказать соответствие жанровой структуры произведения агиографическому канону.

Н.С. Гурьянова показала роль риторических схем исторического повествования в создании крупных выговских агиографических сочинений, затронув и «Житие Андрея Денисова» (основное внимание ею было уделено другому памятнику, созданному при Андрее Борисове и, возможно, при личном его участии, «Житию Семена Денисова»)⁸. Способы аргументации, использованные Андреем Борисовым в полемических сочинениях, посвященных проблеме отношения к императорской власти, были проанализированы нами⁹.

Судьба этого старообрядческого лидера была довольно необычной. Р.О. Крамми был прав, заявляя, что сочинения Андрея Борисова следует рассматривать в контексте его жизненного опыта¹⁰, отмечая при этом неполноту доступных исследователям биографических сведений. Основной источник последних – старообрядческие сочинения¹¹; важные сведения о круге чтения и интересах выговского наставника сообщил в своем дневнике Ш.-Ж. Ромм, о чем речь пойдет ниже. Сын зажиточного и благочестивого откупщика, Андрей Борисов вырос в Москве. Возможно, получил хорошее традиционное образование, хотя источники не сообщают деталей. После кончины отца возглавил дело и прослыл завидным женихом:

³ Дружинин В.Г. Писания русских старообрядцев: Перечень списков, составленный по печатным описаниям рукописей. СПб., 1912. С. 62–68.

⁴ Юхименко Е.М. Выговская старообрядческая пустынь. Духовная жизнь и литература. М., 2002. Т. 2. С. 20–26.

⁵ «Предисловие» к сборнику выговских полемико-догматических сочинений (Юхименко Е.М. Литературное наследие Выговского старообрядческого общежития. М., 2008. Т. 1. С. 79–82); «Слово воспоминательное об Андрее Денисове» (Юхименко Е.М. Литературное наследие Выговского старообрядческого общежития. М., 2008. Т. 2. С. 198–211); «Благодарное возответствие за произносимые приветствия» (Там же. С. 219–221); «Похвала премудрости» (Там же. С. 221–223); «Прискорбное поведание» (Там же. С. 223–227); «Послание петербургскому губернатору У.С. Потапову» (Там же. С. 328–332); «Слово на торжественном собрании в Петрозаводске» (Там же. С. 333–335).

⁶ Юхименко Е.М. Выговская старообрядческая пустынь. Духовная жизнь и литература. М., 2002. Т. 1.

⁷ Там же. С. 407–439.

⁸ Гурьянова Н.С. История и человек в сочинениях старообрядцев XVIII в. Новосибирск, 1996. С. 56–58.

⁹ Журавель О.Д. Старообрядцы и власть: оправдание самодержавия в риторической культуре Выга // Гуманитарные науки в Сибири. 2019. № 3. С. 72–78. Нами же опубликовано анонимное сочинение «Слово о девстве» (Духовная литература староверов Востока России XVIII–XX вв. Новосибирск, 2011. Т. 3. С. 120–123). Вторая часть этого текста буквально совпадает с «Похвалой девственности» Андрея Борисова (известен его автограф – Юхименко Е.М. Выговская старообрядческая пустынь. Духовная жизнь и литература. Т. 2. С. 23). Вполне вероятно, что опубликованное «Слово о девстве» представляет собой полную редакцию того же сочинения, и автором его является Андрей Борисов.

¹⁰ Crumtey Robert O. The Cultural Worlds of Andrei Borisov... P. 138.

¹¹ Там же. P. 138–142; Юхименко Е.М. Выговская старообрядческая пустынь. Духовная жизнь и литература. Т. 1. С. 295–297.

«многия ему знаменитыя купцы дщери своя с нимъ брачне сочетати ретяхуся»¹², но в этот решающий момент Андрей Борисов принимает важное решение пойти по духовному пути, «вся сия разсмотрятя нача, яко суетна и ненадежна суть»¹³. Он начал общаться с московскими старообрядцами, хотя поначалу они восприняли его настороженно, «понеже тогда во всемъ убранстве немецкомъ находяшеся»¹⁴. Впоследствии доверие было достигнуто, однако самого Борисова смущали споры и разногласия среди староверов. Он ездит по разным местам, пытаясь найти «правость истиннаго согласия», в 1754 г. посещает Выг, беседует с авторитетными «отцами» – Мануилом Петровым, Трифоном Петровым, Даниилом Матвеевым, но и тогда не может принять окончательного решения. Источники сообщают о том, что он посетил Киево-Печерский монастырь, потом скрывался в Москве у старообрядцев, где перекрестился и принял имя Феодор¹⁵, и только в 1756 г. окончательно поселился на Выге. Туда перевез и свою мать, отдав на нужды общежития все свое имение. Таким образом, выбор Андрея Борисова в пользу поморского согласия стал итогом долгих размышлений, поисков своего пути и был сознательным решением.

Уже в 1760-е гг. он заслужил авторитет на Выге благодаря своей образованности и книжным занятиям. В письме от 23 января 1769 г. Василий Данилов Шапошников восхваляет его «блестящие доблести» и эрудицию («сияющего в науках... солнца») и ссылается на его выдающиеся заслуги в сочинении о жизни «нашего отца». Речь, видимо, шла о «Житии» Андрея Денисова, хотя, как показала Е.М. Юхименко, работа над книгой в то время еще далеко не была завершена¹⁶. В то же время в среде выговцев он встречал и недоверие, более того, даже в более позднее время, в 1775 г., в письме Даниилу Матвееву он упоминает о клевете, которая плетется на него на том основании, будто он идет против традиций святых отцов¹⁷. Видимо, некоторые его взгляды представлялись старообрядцам не вполне ортодоксальными. Тем не менее в 1780 г. он был выбран настоятелем, и годы его правления стали периодом настоящего расцвета Выга. Именно под руководством Андрея Борисова удалось возродить традиции духовной жизни после некоторого упадка, несмотря на многие трудности и бедствия (в первую очередь пожары). Очевидно, успех был достигнут в значительной мере благодаря гибкости, умению находить компромиссы с представителями «внешнего мира», способностью откликнуться на вызовы времени, в том числе на изменившуюся культурную ситуацию.

Ценный источник по изучению воззрений и круга чтений Андрея Борисова был опубликован в 1990 г. Им является часть дневника Шарля-Жильбера Ромма¹⁸, французского политического деятеля, участника Французской революции XVIII в., приглашенного в 1779 г. в Россию для воспитания наследника графа А.С. Строганова. Совершая путешествие по северным монастырям, Ш.-Ж. Ромм заехал на Выг, где был принят Андреем Борисовым. По словам гостя, настоятель «пожелал беседовать» о науке, он задавал вопросы о воздушном шаре, об электричестве, о теплоте и философии, говорил о своей любви к астрономии (выяснилось, правда, что Андрей Борисов не верит в то, что Земля вращается вокруг Солнца). «Руссо, Вольтер, Дидро известны ему так же, как Роллэн и Фенелон», – пишет Ромм¹⁹. В библиотеке Андрея Борисова была и речь Руссо «О влиянии наук на нравы»²⁰, и поэма Вольтера «Естественный закон». В беседе выговский наставник «позволил

¹² Юхименко Е.М. Выговская старообрядческая пустынь. Духовная жизнь и литература. Т. 2. С. 230.

¹³ Юхименко Е.М. Выговская старообрядческая пустынь... Т.2. С. 230.

¹⁴ Там же. С. 231.

¹⁵ И после перекрещивания Борисов будет больше известен по первому своему имени, ему важен был факт тезоименитства с именитым Андреем Денисовым, памяти которого он уделит так много своего внимания.

¹⁶ Crummeу Robert O. The Cultural Worlds of Andrei Borisov... P. 138; Юхименко Е.М. Выговская старообрядческая пустынь. Духовная жизнь и литература. Т. 1. С. 409.

¹⁷ Crummeу Robert O. The Cultural Worlds of Andrei Borisov... P. 138.

¹⁸ Ромм Жильбер. В Выговском монастыре / пер. и публ. М.В. Пулькина // Краевед Карелии. Петрозаводск: Карелия, 1990. С. 152–157.

¹⁹ Там же. С. 154.

²⁰ Наличие в Выговской библиотеке книги Ж.-Ж. Руссо «Рассуждение, удостоенное награждения от Академии Дижонской в 1750 г., на вопрос, предложенный сею Академиею, что восстановление наук и художеств способ-

себе несколько критических замечаний по поводу воззрений Руссо», давая при этом высокую оценку «нравственности и стоицизму философа», признался, что ему «чрезвычайно нравится» Вольтер, и что он имеет все его сочинения, переведенные на русский язык. Любопытен комментарий, высказанный Борисовым по поводу известной эпитафии Вольтера «Сердце его здесь, ум везде»: старообрядческий наставник, восхищаясь, очевидно, писательским талантом, но не симпатизируя воззрениям великого французского вольнодумца, добавил: «А душа нигде»²¹. До визита Ромма выговский наставник принимал у себя петербургского губернатора У.С. Потапова, по его словам, был знаком также с князем Г.А. Потемкиным, графом Р.И. Воронцовым, поэтом А.А. Петровым.

Как оценить факты открытости Андрея Борисова внешней образованности и в какой мере его интерес к философии, наукам, светской литературе отразились в его творчестве? Что стоит за метафорическим определением Р.О. Крамми, который расценил Андрея Борисова как человека, жившего «в двух культурных мирах»? Заметим, что при этом исследователь предлагал разделить сочинения Андрея Борисова на две группы, считая, что тексты, адресованные «внутренним» адресатам, выговцам, отличаются большей традиционностью, в то время как в сочинениях и в беседах с «внешними» он пытался защищать позицию Выга или старого обряда, используя в основном риторику и идеи, взятые из современного философского и научного дискурса²². Более очевидным, но и несколько тривиальным объяснением открытости Борисова «новинам» может служить то, что определенная светская образованность была необходима для успешного решения проблем общежительства, контакты с внешним миром были вынужденной уступкой тем силам и инстанциям, от которых зависела жизнь и даже выживание Выга. Отчасти это справедливо. Но ряд особенностей, которые мы обнаруживаем в творческой системе Андрея Борисова, свидетельствует не просто о проникновении отдельных новых деталей или элементов в традиционную систему творчества, а об изменении самих творческих принципов. Безусловно, окончательные выводы о художественной системе старообрядческого писателя и о ее эволюции можно будет сделать только после полного систематического исследования всего его наследия, настоящая статья носит дискуссионный и постановочный характер.

Как эти ни парадоксально, ряд существенных черт творчества Андрея Борисова находит соответствие в эстетической программе русского сентиментализма, который явился художественным итогом литературной культуры XVIII в., логическим следствием развития просветительской программы. Новым в эстетике сентиментализма был поворот от приоритета социальной проблематики (что было свойственно классицизму) к антропоцентричности, важным становится акцент на зависимости сферы эстетического от человеческой субъективности. Философским основанием данного поворота исследователи считают переход от картезианства к сенсуализму²³. Ориентация на личность и ее жизненный опыт становится чрезвычайно важной для публицистов и писателей того времени, ставится в центр внимания. Важно также, что личность в сентиментализме, как в литературе русского Просвещения в целом, оценивается прежде всего с нравственных позиций. Центральной категорией в программных установках сентиментализма становится понятие «добродетели»²⁴. Личность в сентиментализме – настолько же разумное, рациональное существо, сколь чувствительное и эмоциональное: в описании реакций на внешний мир предпочтение отдается эмоциональным реакциям и чувствам. Образцом же просвещенного, добродетельного и чувствительного человека становится автор, важность проблемы автора подчеркивают и сами просветители-сентименталисты, и исследователи этого направления в русской культуре.

ствовало ли ко исправлению нравов», изданной в Москве в 1768 г., подтвердила Е.М. Юхименко. См.: Юхименко Е.М. Выговская старообрядческая пустынь... Т. 2. С. 418–419.

²¹ Ромм Жильбер. В Выговском монастыре... С. 155.

²² Crummeу Robert O. The Cultural Worlds of Andrei Borisov... P. 151.

²³ Киселев В.С. Проблема универсального повествования в эстетике русского сентиментализма // Вестник Томского государственного университета. 2006. № 291. С. 89.

²⁴ Кочеткова Н.Д. Литература русского сентиментализма. (Эстетические и художественные искания). СПб., 1994. С. 122–138.

Как проявляется в своих сочинениях Андрей Борисов, каким образом он позиционирует себя? Его знаменитый предшественник Андрей Денисов выстраивал коммуникацию со слушателями своих проповедей, обращаясь от имени пророков. Его тексты были оформлены в полном соответствии с эстетическими требованиями барочных риторик, утвержденными на Выге во многом благодаря его собственным усилиям. Авторское «я» представало в обрамлении цитат, почерпнутых из Священного Писания, в основном из книг пророков и Псалтыри. Голос проповедника обретал особую силу в резонансе с сакральными источниками, самоидентификация лидера религиозного сообщества формировалась при помощи священных книжных авторитетов²⁵. Ни о какой лирической исповедальности по отношению к барочному автору речи идти не может, его сочинения прекрасны в своей абсолютной условности. Это всегда – вторичный текст, опосредованный риторическими стратегиями. Подобная установка на сакрализацию собственной авторской позиции чужда Андрею Борисову. В ряде текстов он проявляет себя как обычный земной человек, обращаясь к своим адресатам на равных, откликаясь на их «сердечную простоту» собственной искренностью. Расценивая обращенные к нему в приветственном слове похвалы, уклоняясь от возвышения, он тем не менее отдает должное искусности тех, кто писал поздравление, апеллируя к своему сердцу и душе: «сие едино ведает мое *сердце и душа*»²⁶. Ярким свидетельством того, что он лично, сердцем, откликается на события, раскрывая при этом свои переживания, является сочинение «Прискорбное поведание», написанное осенью 1787 г. в связи с опустошительными пожарами, постигшими Выго-Лексинское общежительство.

«Прискорбное поведание» начинается с сетования автора на свои несчастья: «Соглашаясь из давних времен, вси *мои* несчастья, ныне совокупясь, пресилным образом вкупе на мя вооружишася»²⁷ (отметим сразу, что активная роль автора-повествователя постоянно подчеркивается в тексте употреблением личного местоимения единственного числа). Начало традиционной выговской проповеди, сформировавшейся в условиях барочной риторической культуры, всегда семантически значимо и, как правило, предваряется фемой, – ею служила обычно цитата, взятая из Священного Писания, именно она задавала тон всему сочинению. В данном случае автор начинает сочинение с акцента на своих личных переживаниях. Далее появляется местоимение «мы», личная беда обусловлена общим несчастьем («Сидя мы при реце аще и Выговской, а не Вавилонской, но столко же плакахомъ, внегда помянути намъ бывшую красоту нашего Сиона...»²⁸), однако тема индивидуального переживания продолжается после перечисления напастей, выпавших на долю пустынножителей, реализуясь в развернутом сюжете о болезни самого настоятеля. Трогательный, глубоко личный рассказ, переданный со всеми деталями и натуралистическими подробностями, составляет добрую треть текста. Бродя «в печальных и многоскорбных мыслях» по заваленным тропам на месте лексинских пожаров, рассказчик «очютив велию боль» в левой ноге. «От чего же? Усмотрел преболезненно очима, что она стоит на превеликом гвозде люто уже пронзенною и никакоже с него подвигнутися могущю, которой, лежа в траве остротою своею выпсрь, якобы нарочно жадаю крови моей»²⁹. Дано точное описание и искривленного гвоздя, причинившего рану («пободием жала или рыбной аки бь уды»), и деталей болезни. На пике страдания, лежа в келье («болезнь пресилно над всеми *чувствами моими* восторжествовала»), он вспоминает об испытаниях Иова. Цитаты из Иова³⁰ помогают раскрыть религиозный смысл

²⁵ Журавель О.Д. Самоидентификация лидера религиозного сообщества в сочинениях Андрея Денисова // Гуманитарные науки в Сибири. 2018. № 3. С. 45–50.

²⁶ Юхименко Е.М. Литературное наследие Выговского старообрядческого общежительства. Т. 2. С. 220. Здесь и далее курсив мой. – О. Ж.

²⁷ Там же. С. 223. Текст передан нами в упрощенной графике: буква «ять» заменена буквой «е». Атрибуция текста Андрею Борисову и датировка принадлежит Е.М. Юхименко.

²⁸ Там же. С. 224.

²⁹ Там же. С. 226.

³⁰ Их в тексте несколько, текст из Книги Иова составляют основной цитатный слой. Юхименко Е.М. Литературное наследие Выговского старообрядческого общежительства. Т. 2. С. 451–452.

рассказа об испытаниях, но не отменяют самостоятельного значения данных биографических эпизодов, центр внимания остается прикован к личности автора. Более того: автор пропускает и слова Иова через свой личный опыт, придавая сакральным истинам персональный смысл. Он вспоминает о пророке в тот момент, когда болезнь «особливо же во всей нощи нудила» его «от нестерпимости превеликаго лому забавляться наедине едиными (моими) прегорчайшими слезами...»³¹: «якоже предлагала многотерпеливому Иову жена его, да возглаголю пред Богом глагол и лутчее умру»³². В этих цитатах важно все: апелляция к «чувствам», слезы, отсутствие нейтрального тона. Эта глубоко личная, «человеческая» грань постижения смысла христианских истин представляется нам важной особенностью сочинения, заставляя вспомнить об испытаниях, описанных в Житии протопопы Аввакума.

Бытовой событийный план погружен в стихию эмоционально-лирическую, отметим также, что и завершается сочинение лирическим фрагментом: «Тако азъ, в болезняхъ и превеликихъ горестяхъ моихъ размышляя и ободряясь, вдаюсь малому древу»³³, которое мене понесетъ по водамъ чрезъ пучины и волны. Егда же вниду в желаемое пристанище, тогда учиню и новыи прибавокъ поведанию сему»³⁴. Кольцевая композиция, образованная лирической рефлексией, напоминает приемы писателей-сентименталистов конца XVIII в. Так, буквально тремя годами позже А. Радищев опубликует в частной типографии обличительное «Путешествие из Петербурга в Москву», где тоже будет использована лирическая форма («Я взглянул окрест меня – душа моя страданиями человечества уязвленная стала...»). Типологически близкие эстетические явления могли проявляться в столь разных областях литературного процесса: в магистральной линии литературы и в словесности старообрядческой. Отметим, что сочинение Андрея Борисова в качестве адресатов предполагало в первую очередь «внутреннюю», старообрядческую аудиторию.

Ключом к смыслу страданий в «Прискорбном поведении» являются библейские реминисценции, однако этими уровнями автор не ограничивается. Притчевая двуплановость, зачастую свойственная проповедническому жанру, взрывается третьим уровнем. «Все едина будетъ смерть, аще точию радя о едином себе или о многихъ. Но какъ мы, живучи во обществахъ, многажды требуемъ и сами от общества жизненныхъ спомоществовательствъ, следовательно должны и сами обществамъ возможнымъ намъ спомоществованиемъ платить долгъ. Сие-то и будетъ согласно з закономъ священнымъ и гражданскимъ...»³⁵. Неожиданный, казалось бы, вывод об общественном, гражданском долге находит себе соответствие в светской литературной культуре конца XVIII в., а именно в риторической структуре сентиментального текста. О.Б. Лебедева пишет о трех уровнях распределения материала в таком тексте: это пластически очерковое бытописание, назначение которого – вызывать эмоции, чувственные впечатления; субъективно-лирические и патетические фрагменты, создающие общую эмоциональную атмосферу, и аналитические публицистические размышления³⁶.

Традиционные способы риторической организации текста, делающие акцент на логике (что имело место и в барочной литературной культуре Выга)³⁷, в риторике сентиментализма подвергались существенной корректировке. «Для новой риторике более важной становилась органичность текста, производная личностной (авторской) органики. Рациональное начало здесь проявляло себя в выразительном упорядочивании индивидуального кругозора, круга ощущений, чувств и мыслей нарратора, который выступал образцом для читателя»³⁸. Строгие риторические формы оказываются не актуальны в литературе сентиментализма, где

³¹ Юхименко Е.М. Литературное наследие Выговского старообрядческого общежития. Т. 2. С. 226.

³² Там же. С. 226.

³³ Речь идет о судне, на котором автор отправился в путь через Онежское озеро в Петрозаводск ради нужд обители.

³⁴ Юхименко Е.М. Литературное наследие Выговского старообрядческого общежития. Т. 2. С. 227.

³⁵ Там же.

³⁶ Лебедева О.Б. История русской литературы XVIII века. М., 2000. С. 346.

³⁷ Журавель О.Д. Литературное творчество старообрядцев XVIII – начала XXI в.: темы, проблемы, поэтика. Новосибирск, 2012. С. 10–85.

³⁸ Киселев В.С. Проблема универсального повествования в эстетике русского сентиментализма... С. 92–93.

становилось важнее «ощущение полноты и насыщенности повествовательной ткани, одновременно синкретичной, если относиться к ней как к простой репрезентации личности, и синтетичной, если воспринимать ее в плане рефлексивном, в свете производимого повествователем целенаправленного осмысления своих реакций и своего места в мире»³⁹. Близкий процесс мы наблюдаем в творчестве Андрея Борисова, прекрасно знавшего риторические стратегии, унаследованные выговцами от первого поколения своих наставников, возможно, принимавшего личное участие в составлении риторических сборников (например, Антологии сочинений Андрея Денисова 1764 г.)⁴⁰, но ищущего новые формы, откликаясь, как представляется, на запрос времени.

Андрей Борисов много сделал для оформления исторической памяти на Выге, в частности, для закрепления традиций и авторитета первых выговских наставников. Именно ему принадлежит создание крупнейшего агиобиографического сочинения «Житие и жизнь Андрея Денисова» (закончено, видимо, к 1790 г., хотя работа велась на протяжении многих лет⁴¹), а также «Слова воспоминательного об Андрее Денисове» (1787–1788 гг.), которое Е.М. Юхименко считает подготовительным текстом перед написанием Жития.

«Житие и жизнь Андрея Денисова» – агиобиографический текст, жанровая природа которого не уместается в известные жанровые схемы. Безусловно, в этом произведении присутствуют все элементы агиографической схемы, как и исторического повествования в том виде, как того требовали риторические установки. Личность Андрея Борисова раскрывается со всех сторон, и развитие линии главного героя идет параллельно с историей Выговской пустыни и взаимосвязано с ней. Портрет Андрея Денисова многогранен, наряду с декламацией доблестей автор раскрывает психологические особенности своего именитого персонажа. Андрею Борисову удалось создать уникальный образ Андрея Денисова, не только пользуясь фактами, доступными из источников, но и дополняя их своей интерпретацией. Обратим внимание на лирическое отступление в начале предисловия, где автор объясняет свой замысел. Он пишет о том, что сведения о знаменитом отце содержатся в «Истории Выговской пустыни» Ивана Филиппова и в надгробных словах, однако этого, на его взгляд, оказалось недостаточно. Выяснив, что достойного жития нет, он «весьма скорбел». Обращался к ученикам, однако «никакова охотнаго к сему чаяния не получил». «Что же убо аз и сотворити не вем!»⁴² – в отчаянии пишет он, а далее описывает свое горячее желание, которое непонятно как тушить. В предисловии к книге содержится целый развернутый пассаж о «жжении желания» иметь житие и о внутренних сомнениях приступить к его написанию («Како могу неученый про такового ученаго мужа повествовати!»). Вновь мы видим выражение душевных переживаний, эмоциональной реакции автора, казалось бы, излишних в агиографическом повествовании. Положась-таки на волю Божию, «хотяще быти о нем повествование наиболее от слышания жителствовавших с ним и слышавших пресладкое его учение богобоязненных мужей происходит, ничто убо сами от сего видевше, но от списавших таковая, яко цветы собравше от их ми повествовании *про его душевныя и телесныя свойства и благоцеломудренный нрав...*»⁴³. И эта установка – раскрыть душевные свойства и нрав своего персонажа, безусловно, оказывается важной для повествования. Цель автора – не дополнить повествование об Андрее Денисове новыми фактами, но заново представить его. «Нрав добр, житие *добродетельно*» подчеркивается на протяжении всего объемного повествования. «Хитр в словесном любомудрии, тщателен философской премудрости. Единаче нравом смирен и образом благолеп и кроток... словесная убо наказания во

³⁹ Киселев В.С. Проблема универсального повествования в эстетике русского сентиментализма... С. 93.

⁴⁰ Журавель О.Д. Литературное творчество старообрядцев XVIII – начала XXI в.: темы, проблемы, поэтика. С. 66–74. Вопрос о вкладе Андрея Борисова в создание обобщающих риторических сводов требует специального исследования, что выходит за рамки данной статьи. Возможно именно ему, мечтавшему о создании на Выге Академии, принадлежит инициатива и составления так называемой «Поморской риторики» (РНБ, Q. XV. 101. Конец XVIII в.), основанной на переработке «Риторики-свода».

⁴¹ Юхименко Е.М. Выговская старообрядческая пустынь... Т. 1. С. 409.

⁴² РГБ, собрание Барсова, № 156. Л. 6 об.

⁴³ Там же. Л. 7–7 об.

вторых полагаеше, все же тщание имяше о *добродетельном* поучении и о сем всегда печашеся и болезноваше, како да исправится ему мудрость, к сей же мужество, смысл, правда и целомудрие, и яже от сих и прочия *добродетели*»⁴⁴. Жизненный путь Андрея Денисова раскрывается с увлекательностью романного повествования, многие эпизоды и подробности, которые удалось собрать автору, в т.ч. из устных источников, помогающие представить характер и деятельность Андрея Денисова, представлены в ярких запоминающихся образах. См., например, небольшой фрагмент о приходе в пустынь: «На лыжах ... сам себе бывает подвода и извозчик, и слуга, и господин, и вождь, и водимый, и тако, Богом наставляем, приходит самозван, паче же рещи, богозван к подвигу постному, по писанному у псалмопевца Давида, се удалихся бегая и водворихся в пустыню (Пс 54, стих 7) в лето 7200 в конце декабря»⁴⁵. Рассмотрение повествовательной структуры этой книги в контексте не только агиографических схем и исторического повествования, но и нарративных стратегий русского романа, как он был представлен в России конца XVIII в., может стать одной из тем специального исследования.

Тон умиления, акцент на нравственной тематике присутствует и в «Слове воспоминательном об Андрее Денисове», написанном в период завершения работы над Житием. Рассуждая о добродетелях Андрея Денисова, Андрей Борисов пишет: «...еще же грамматическим осмочастием, риторическим златословием и философическим любомудрием всех всегда напаяше и сим *нравы человеческия углаждаше*. О, коликия труды преблаженный он пустыннолюбител в пустынных сих чащах производаше! Толь *мягкаго воспитания* и почтеннаго прирождения...»⁴⁶. Акцентируя внимание на этимологии имени «Андрей» (в переводе с древнегреческого означает «мужественный, храбрый»), он проводит контраст между «мягким» воспитанием Андрея и его искусным владением словом, с одной стороны, и мужеством – с другой: «И якоже малая естеством птица славий имеет в себе преестественно почти, а не по естеству своему крепкий и мужественный дух, которым она в свистании и разноличном своем пении немалое увеселение чинит всем человеком, тако, ношаше и имя, знаменитое мужеству, мужественный отец Андрей аще и *мягкаго воспитания* по естеству бе, но преестественно душу мужественную в себе имяше, которою аки пресладчайший разумнословесный славий всех живущих в пустыни сей разными пении своими присно услаждаше...». Характер знаменитого предшественника составляет неизменный предмет размышлений Андрея Борисова.

«Добродетель» – одно из ключевых слов и в текстах, посвященных Андрею Денисову, и в ряде других сочинений. Как известно, понятие «добродетель» входило в число фундаментальных ценностей эпохи Просвещения. Андрей Борисов был современником Н.И. Новикова, М.Н. Муравьева, Н.М. Карамзина, вслед за классицистами, развивавшими учение о добродетели, трактовавшими добродетель как внутреннее душевное качество, а не только как веление долга⁴⁷. «Истинное украшение не в богатстве находится, но в *добродетели*»; «*Добродетель* есть красота человеков, творения возвышеннаго над бездушным и зверским миром и с единыя страны небесным духам сродственная», – писал Н.И. Новиков, превративший учение о добродетели в непосредственное руководство для практической деятельности⁴⁸. Это понятие становится одним из самых популярных в текстах многих авторов 1770-х – начала 1790-х гг., времени творческой активности и Андрея Борисова.

О том, насколько важное значение Андрей Борисов придавал нравственности, причем даже в ее светском варианте, свидетельствуют и его полемические сочинения, посвященные важной для старообрядцев с начала XVIII в. проблеме моления за правящего императора. Для обоснования моления за императора необходимо было доказать возможность применения к представителю высшей власти прилагательных «благочестивый» и «благодарный»,

⁴⁴ РГБ, собрание Барсова, № 156. Л. 15–15 об.

⁴⁵ Там же. Л. 25 об.

⁴⁶ Юхименко Е.М. Литературное наследие Выговского старообрядческого общежития. Т. 2. С. 201.

⁴⁷ Кочеткова Н.Д. Литература русского сентиментализма... С. 122–138.

⁴⁸ Там же. С. 122, 124.

что для старообрядцев представляло значительную трудность. Андрею Борисову это удалось. Он разработал целую систему аргументации, куда вошли и филологические (этимология слов), и философские аргументы. Последние он почерпнул из «Великой науки» Андрея Белобоцкого, основанной на учении средневекового философа-реалиста Раймунда Люллия и переработанной в 1725 г. Андреем Денисовым. Данной теме посвящено три сочинения Андрея Борисова: «Слово о наименовании царей «благоверными и благочестивыми» и о молении за царей и за властей»⁴⁹; «Толкование российского речения «благочестие»⁵⁰; «Изъяснение о благочестии»⁵¹.

Разбирая по составу слово «благочестивый», Борисов доказывает, что «благо» означает «добро», «хорошо», «изрядно» и не связано напрямую с понятиями вероисповедания⁵². Что касается второй части слова, «честие – имя, знаменующее честь. И сие такожде не может заключитися в единой святости, но происходит оное наиболее от *добродетелей*, ибо обыкновенно мы, невзирая на веру, хотя бы и иноверных, добрых и справедливых людей честными называем»⁵³. Как видим, и здесь, в этом полемическом «камне преткновения», на помощь приходит ключевая категория просветителей – главное – быть добродетельным человеком. Обращение к философским категориям «Великой науки» окончательно подтверждает позицию автора, поскольку слово «добро», которое синонимично слову «благо», относится к базовым онтологическим понятиям, согласно учению «Великой науки», а связь «блага» с верой – только частный случай. «Кто есть милостив, человеколюбив, правдив, постоянен, кроток, долготерпелив, сии по оным качествам может нарецися благочестивым, хотя бы он был и не правья веры; благочестивым же нарицаем такожде иногда не по вере, но по честным делам и изяцному жителству <...> и тако благочестивии не инно что по сущности своей значит, токмо *добродетельный*»⁵⁴. Итак, волшебное понятие «добродетели» в глазах Андрея Борисова должно было решить задачу, на протяжении нескольких десятилетий казавшуюся неразрешимой. В помощь сомневающимся он предлагал последний аргумент, ссылаясь на авторитет знаменитого учителя: «но разве кто предложенная от науки кабалистичныя твердыя сия доводы восхоцет опорочити сим, что творец оныя не нашае был церкви, но аз не ему последую, и не из него большия книги доводы сия выбирал, но последую господину Андрею Дионисиевичю ... И тако ежели кто хоцет быть сему противным, то будет и не хотя самому ему противником...»⁵⁵.

Интересно, что смысловые акценты в творчестве старообрядческого писателя находят соответствие и в проповеднической традиции правящей церкви. В.П. Зубов, которому принадлежит монографическое исследование истории русской проповеди, отмечает изменение стиля, произошедшее в проповеди митрополита Платона (1737–1812 гг.) по сравнению с предшествовавшей ему барочной проповедью Димитрия Ростовского⁵⁶. Просвещение митрополит Платон понимал как добродетель! В его текстах на первом месте ставятся мораль и чувство. Человек спасен от времени и суеты, если он защищен «щитом добродетели». Даже Священное Писание он трактует не в анагогическом, а в моральном плане, у него отсутствуют религиозно-мистические мотивы, «нет ни ада, ни неба», он, по словам В.П. Зубова – «душеслов», сгладивший в православии все острое, что могло бы резать слух «рационалистического просветительства»⁵⁷.

⁴⁹ Дружинин В.Г. Писания русских старообрядцев... С. 63. № 4.

⁵⁰ Там же. С. 93. № 9 (ошибочно приписывал Андрею Денисову); Юхименко Е.М. Выговская старообрядческая пустынь... Т. 2. С. 21.

⁵¹ Дружинин В.Г. Писания русских старообрядцев. С. 320. № 175 (автор не установлен); Юхименко Е.М. Выговская старообрядческая пустынь. Духовная жизнь и литература. Т. 2. С. 21. Подробный анализ этих сочинений см.: Журавель О.Д. Старообрядцы и власть: оправдание самодержавия в риторической культуре Выга // Гуманитарные науки в Сибири. 2019. № 3. С. 72–78.

⁵² РГБ, собрание Егорова, № 1557. Л. 620 об.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же. Л. 621 об.

⁵⁵ РГБ, собрание Егорова, № 1557. Л. 627–627 об.

⁵⁶ Зубов В.П. Русские проповедники: очерки по истории русской проповеди. М., 2001. С. 70–98.

⁵⁷ Там же. С. 98.

Понятие о добродетели настолько занимает Андрея Борисова, что в «Послании Василию Емельянову из Выговского общежительства в Москву с рассуждениями о философии нравственной или моральной» (1787) он излагает сложную схему, напоминающую несколько масонские построения⁵⁸. Он упоминает об известной схеме, согласно которой добродетельный человек должен пройти три ступени: трудолюбие, опыт и мужество, но размышляет о том, что трех ступеней недостаточно. Андрей Борисов пишет о шести уровнях, считая, что для достижения высшей ступени моральной пирамиды человек должен прилагать усилия, чтобы познать себя, свои как сильные, так и слабые стороны, и избегать крайностей. Нельзя не согласиться с Р.О. Крамми, что в данном случае налицо существенное отличие, например, от традиционной «Лествицы» св. Иоанна Лествичника: ступени самопознания Андрея Борисова не предполагают самоуничижения и религиозной дисциплины, он далек от исихастских понятий. Кроме того, он пишет о чувстве меры – что тоже было актуально для мыслителей его времени⁵⁹.

Говоря о самопознании и умении видеть свои качества, он использует наглядный образ телескопа. Использование «технологической» или научной метафоры – не единичное явление в его стилистической системе. В письме к петербургскому губернатору У.С. Потапову, покровительством которого он пользовался (ср. обращение самого Потапова к старообрядческому наставнику: «приятель мой Андрей Борисович»⁶⁰) он использует весьма изысканный прием. Рассуждая о том, что, получив от императрицы щедрый подарок в виде отмены двойного подушного оклада и не получив ответа относительно защиты от местных священников, поскольку староверы подпадали под закон об обязательной исповеди, он сравнивает эту ситуацию с астрономическими явлениями: «в самой светлости предоказанного нашего торжества некий из нас или мечтательно, или натурально показуются аки бы затмительная какия облака, или темныя пятна, по подобию астрономических зрениев на планеты»⁶¹. Однако автор готов успокоить собратьев: «но я находящую сию тучю между братии своей разбиваю вместо электрической силы естествовозможными... словами...»: далее, опять прибегая к астрономии, он рассуждает о том, что столь яркий свет (исходящий от светлости «ея величества»), способен разогнать любую тьму⁶².

В этом письме, обращенном к представителю власти, он называет Екатерину Вторую «матерью» и использует световую символику, говоря о ней. Конечно, назначение этого риторического (манипулятивного, по сути) хода очевидно и объясняется содержанием самого письма. В нем он, помимо напоминания о защите от священников, просит заменить именование «раскольники» другим словом – «старообрядцы»⁶³. Обратим внимание на аргумент Андрея Борисова. Он считает, что предложенное именование было бы «для иностранных всехъ весьма нежнее и им приятнее. Речение же раскола несколько всякому является кроме приятства, да в нынешния времена почти и из словесности у всехъ филозофовъ вышло и чюствуется какъ-то очюнь странным, а особливо всем иностраннымъ»⁶⁴. В данном случае он якобы заботится о репутации императрицы; «пусть бы ея во всей поднебесной великолепнейшую всеми чесными ученостыми монархию нисколко бъ не безславило»⁶⁵.

Тема императрицы появляется в «Слове на торжественном собрании в Петрозаводске»⁶⁶ (1785), принадлежащем, скорее всего, тоже Андрею Борисову⁶⁷. В 1785 г. было обнародо-

⁵⁸ *Crummey Robert O.* The Cultural Worlds of Andrei Borisov... P. 152.

⁵⁹ Ibid.

⁶⁰ Юхименко Е.М. Литературное наследие Выговского старообрядческого общежительства. Т. 2. С. 497.

⁶¹ Там же. С. 330.

⁶² Там же. С. 330–331.

⁶³ Там же. С. 331.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же. С. 333–335.

⁶⁷ Сочинение находится в том же сборнике, в котором Е.М. Юхименко обнаружила несколько автографических сочинений Андрея Борисова, по стилистике оно также, по мнению исследовательницы, соответствует его творческой манере (Юхименко Е.М. Литературное наследие Выговского старообрядческого общежительства. Т. 2. С. 501).

вано «Городское положение», согласно которому старообрядцев можно было выбирать «в городские службы». «Слово» представляет собой торжественную проповедь, в центре которой встречаем необычный для старообрядческой поэтики прием экфрасиса. В Слово включено описание копии знаменитого «Портрета Екатерины II – Законодательницы в храме богини Правосудия» кисти Д.Г. Левицкого. Тема императрицы вновь введена мотивами света, в данном случае автор риторически удивляется, как могло быть, что «отшедшее с нашего Северного полюса далеко за экваторь в юг прекрасное солнце паки к намъ ныне приятно возвратилось»⁶⁸. В описании «пребогатого великаго» патрета, который был размещен на высоком троне в доме наместника Тимофея Тутолмина «в драгоценных златых рамахъ», упоминаются маковые цветы и зерна, которые возлагаются на жертвенник и символизируют спокойствие, даруемое гражданам России императрицей. «Патреть же оный содержит в своей сущности нижеследующую важность. Ея величество изволить на курящийся жертвеникъ пред правосудиемъ возлагать маковыя цветы и семена и онымъ жертвовать высочайшему правосудию»⁶⁹. Картина, написанная в 1783 г., нашла отклик в оде Г.Р. Державина «Видение мурзы» (1783–1784), где дано подробное описание ее изображения. Образ императрицы там также раскрывается через символы неба и светил («сошла со облаков Жена...»). Так в одной точке эстетического пространства России конца XVIII в. сошлись великий русский живописец, гениальный поэт и писатель-старообрядец.

Нами приведено лишь несколько иллюстраций, свидетельствующих об изменении творческих принципов старообрядческого писателя в конце XVIII в. Разумеется, полное описание этой художественной системы – задача дальнейшего исследования, но и приведенные фрагменты говорят о плотной включенности Андрея Борисова в культурный контекст эпохи. Меняется ценностная эстетическая система. На смену рациональной стройности барочной риторической культуры приходит новая система, в центре которой – проблема человека, будь то автор или его персонажи. Самопрезентация нового лидера старообрядческого сообщества исключает сакрализацию через использование цитирования из канонических текстов, как это было в случае Андрея Денисова. Автор акцентирует внимание на своих душевных переживаниях, на фактах своей жизни. В центре размышлений автора – человек как существо нравственное, добродетельное, чувствительное и в то же время рациональное. Речь может идти о новом этапе литературной антропологии, как она представлена в старообрядческой традиции.

Литература

Гурьянова Н.С. История и человек в сочинениях старообрядцев XVIII в. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1996. 231 с.

Дружинин В.Г. Писания русских старообрядцев: Перечень списков, составленный по печатным описаниям рукописей. СПб.: изд-во Имп. Археогр. комиссии, 1912. 546 с.

Духовная литература староверов Востока России XVIII–XX вв. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2011. Т. 3. 405 с.

Журавель О.Д. Литературное творчество старообрядцев XVIII – начала XXI в.: темы, проблемы, поэтика. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. 442 с.

Журавель О.Д. Самоидентификация лидера религиозного сообщества в сочинениях Андрея Денисова // Гуманитарные науки в Сибири. 2018. № 3. С. 45–50.

Журавель О.Д. Старообрядцы и власть: оправдание самодержавия в риторической культуре Выга // Гуманитарные науки в Сибири. 2019. № 3. С. 72–78.

Зубов В.П. Русские проповедники: очерки по истории русской проповеди. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 232 с.

Киселев В.С. Проблема универсального повествования в эстетике русского сентиментализма // Вестник Томского государственного университета. 2006. № 291. С. 89–94.

⁶⁸ Юхименко Е.М. Литературное наследие Выговского старообрядческого общежития. Т. 2. С. 333.

⁶⁹ Там же. С. 334.

Кочеткова Н.Д. Литература русского сентиментализма. (Эстетические и художественные искания). СПб.: Наука, 1994. 284 с.

Лебедева О.Б. История русской литературы XVIII в. М.: Академия: Высшая школа, 2000. 415 с.

Ромм Жильбер. В Выговском монастыре / пер. и публ. М.В. Пулькина // Краевед Карелии. Петрозаводск: Карелия, 1990. С. 152–157.

Юхименко Е.М. Выговская старообрядческая пустынь. Духовная жизнь и литература. М.: Языки славянской культуры, 2002. Т. 1. 544 с.

Юхименко Е.М. Выговская старообрядческая пустынь. Духовная жизнь и литература. М.: Языки славянской культуры, 2002. Т. 2. 480 с.

Юхименко Е.М. Литературное наследие Выговского старообрядческого общезнательства. М.: Языки славянских культур, 2008. Т. 1. 688 с.

Юхименко Е.М. Литературное наследие Выговского старообрядческого общезнательства. М.: Языки славянских культур, 2008. Т. 2. 568 с.

Crummey R.O. The Cultural Worlds of Andrei Borisov // *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. 1998. Bd. 54. S. 135–157.

Crummey Robert O. The Cultural Worlds of Andrei Borisov // *Crummey Robert O. Old Believers in a Changing World*. Illinois, 2011. P. 136–156.

References

Crummey, R.O. (1998). The Cultural Worlds of Andrei Borisov. In *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. Bd. 54. S. 135–157.

Crummey, R.O. (2011). The Cultural Worlds of Andrei Borisov. In *Crummey Robert O. Old Believers in a Changing World*. Illinois, pp. 136–156.

Druzhinin, V.G. (1912). *Pisaniya russkikh starobryadtsev: Perechen spiskov, sostavlennyy po pechatnym opisaniyam rukopisei* [Writings of Russian Old Believers: A List of Manuscripts Compiled From Printed Manuscript Descriptions]. St. Petersburg, Izd. Imp. Arkheogr. komissii. 534 p.

(2011). *Dukhovnaya literatura staroverov Vostoka Rossii 18–20 vv.* [The Spiritual Literature of the Old Believers of the East of Russia of the 18–20th Centuries]. Novosibirsk, Izdatelstvo SO RAN. Vol. 3, 405 p.

Guryanova, N.S. (1996). *Istoriya i chelovek v sochineniyakh starobryadtsev XVIII v.* [History and Man in the Works of Old Believers of the 18th Century]. Novosibirsk, Nauka, Sibirskeye Otdeleniye. 231 p.

Kiselev, V.S. (2006). Problema universalnogo povestvovaniya v estetike russkogo sentimentalizma [The Problem of Universal Narration in the Aesthetics of Russian Sentimentalism]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 291, pp. 89–94.

Kochetkova, N.D. (1994). *Literatura russkogo sentimentalizma (Esteticheskiye i khudozhestvennyye iskaniya)* [Literature of Russian Sentimentalism (Aesthetic and Artistic Quest)]. St. Petersburg, Nauka. 284 p.

Lebedeva, O.B. (2000). *Istoriya russkoy literatury 18 veka* [The History of Russian Literature of the 18th Century]. Moscow, Akademiya: Vysshaya shkola. 415 p.

Romm, Gibber (1990). V Vygovskom monastyre [In the Vyg Monastery] / per. i publ. M.V. Pulkina. In *Krayeved Karelii*. Petrozavodsk, Kareliya, pp. 152–157.

Yukhimenko, E.M. (2002). *Vygovskaya starobryadcheskaya pustyn. Dukhovnaya zhizn i literatura* [Old Believers' Desert of Vyg. Spiritual Life and Literature], Moscow, Yazyki slavyanskikh kultur. Vol. 1. 544 p.

Yukhimenko, E.M. (2002). *Vygovskaya starobryadcheskaya pustyn. Dukhovnaya zhizn i literatura* [Old Believers' Desert of Vyg. Spiritual Life and Literature]. Moscow, Yazyki Slavyanskikh Kultur. Vol. 2, 480 p.

Yukhimenko, E.M. (2008). *Literaturnoe nasledie Vygovskogo starobryadcheskogo obshchzhitelstva* [Literary Heritage of the Old Believers Community of Vyg]. Moscow, Yazyki Slavyanskikh Kultur. Vol. 2, 568 p.

Yukhimenko, E.M. (2008). *Literaturnoe nasledie Vygovskogo staroobryadcheskogo obshchezhitelstva* [Literary Heritage of the Old Believers Community of Vyg]. Moscow, Yazyki Slavyanskikh Kultur. Vol. 1, 688 p.

Zhuravel, O.D. (2012). *Literaturnoe tvorchestvo staroobryadtsev 18 – nachala 21 veka: temy, problemy, poetika* [Literary Creativity of the Old Believers 18th – Early 21th Century: Themes, Problems, Poetics]. Novosibirsk, Izdatelstvo SO RAN. 442 p.

Zhuravel, O.D. (2018). Samoidentifikatsiya lidera religioznogo soobshchestva v sochineniyakh Andreya Denisova [Self-Identification of the Leader of the Religious Community in the Writings of Andrei Denisov]. In *Gumanitarnyye Nauki v Sibiri*. No. 3, pp. 45–50.

Zhuravel, O.D. (2019). Staroobryadtsy i vlast: opravdanie samoderzhaviya v ritoricheskoi kulture Vyga [Old Believers and Power: The Justification of Autocracy in the Rhetorical Culture of the Vyg]. In *Gumanitarnyye Nauki v Sibiri*. No. 3, pp. 72–78.

Zubov, V.P. (2001). *Russkie propovedniki: ocherki po istorii russkoi propovedi* [Russian Preachers: Essays on the History of Russian Preaching]. Moscow, Editorial URSS. 232 p.

Статья поступила в редакцию 04.02.2020 г.